

ХРОНИКА ЛЮБВИ: ВОЛНУЮЩИЕ СТРАНИЦЫ

О книге Исаака Трахтенберга "Мой Киев, мои киевляне"

Трахтенберг И.М. хорошо известен как авторитет в области медицины труда, токсикологии, профессиональной патологии и, в целом, профилактической медицине. Он член-корреспондент НАН Украины (избранный в ее состав по специальности "медицинская экология"), академик НАМН Украины, лауреат Государственной премии Украины, премии им. А.А. Богомольца и других отличий Национальной академии медицинских наук, Заслуженный деятель науки и техники. Совершенно понятно, что в круг трудов ученого входит ряд фундаментальных монографий научного содержания. Но известен И. Трахтенберг и как автор двенадцати изданий мемуарного, историко-публицистического характера, увидевших свет на переломе столетий.

Новое двухтомное издание с большим количеством иллюстраций и внушительным перечнем упоминаемых лиц воспринимается как целостный монолог Исаака Михайловича, навеянный родным городом. "Я родился в этом городе, рос..." — эта строка поэта-фронтовика Семена Гудзенко, приводимая на страницах книги, относится и к самому автору. В Киеве Исаак Трахтенберг окончил среднюю школу, поступил в университет, а затем — в медицинский институт, стал ученым-медиком. Вся его разноплановая научная и общественная деятельность была сосредоточена в столице.

В Шевченковский университет юный выпускник 44-й киевской школы поступил в 1940 году — на филологический факультет, как бы ощущая в словесности свое призвание. Еще в школьные годы он страстно интересовался литературой, посещал поэтические вечера. Особенно ему запомнился проезд в Киев популярного в то время Вересаева. Как бы следуя примеру Викентия Викентиевича, избравшего после университета в Петербурге все же медицину, Исаак Михайлович уже в новом веке совершает примерно то же самое. Он решает продлить учебу в медицинском институте, оставив филологию.

Разразилась страшнейшая война. Перед тем как отправиться в эвакуацию (вначале в Харьков, а затем в далекий Челябинск), он успел отличиться в

рытье окопов на подступах к родному городу, за что впоследствии вместе с другими сверстниками-студентами был отмечен медалью "За оборону Киева".

Учеба в Челябинске, возвращение на берега Днепра, диплом врача с отличием, полученный в первые послевоенные годы... И, конечно же, встречи с неповторимыми людьми, педагогами и сокурсниками, которые оседали в памяти волонтера медицины с историко-филологическим призванием, обещая спустя годы и годы прорости в нем книгами. Приверженность профилактической медицины воспитывала в нем документалиста. Надо отметить, научный и личный архив Исаака Михайловича, включая удивительный эпистолярный, — уникальное явление и бесценное собрание. Факты и наблюдения с их четкой рубрикацией, хронологией и комментариями — великолепное подспорье в документальных и литературных путешествиях И. Трахтенберга.

"Запоздалые заметки" — так назвал он первую пробу своего погружения в мемуарный жанр. Но эти заметки если и запоздали, то лишь в том отношении, что не все из их героев смогли прочесть внешне простые, но запминающиеся наброски. Заманательно и даже символично, что книга вызвала живой поток откликов. Это побудило И. Трахтенберга издать новые книги своих размышлений и воспоминаний — трилогию "Из записных книжек и не только...", фактически продолжившую "Запоздалые заметки". А затем появилась проникновенная "Моя Alma mater" — летопись истории медицинского института, и записки "Остановиться, оглядеться". А еще — книга писем автору с историческими экскурсами и пу-

блицистический сборник "Пятьдесят эскизов времени", куда вошли статьи И. Трахтенберга в еженедельнике "Зеркало недели", печатавшиеся в течение нескольких лет.

Понятно, что многое из отображенного в этом разностроннем мемуарном цикле вошло и в книгу "Мой Киев, мои киевляне". И о городе, и о его людях автор пишет с уважением и нежностью, как бы следуя правилу М.А. Булгакова: "Героев своих надо любить". Такая тональность новой книги придает ей теплый колорит. В ней представлены более полутора тысячи современников Исаака Михайловича! Конечно, не о всех сказано подробно, но о каждом — с добрым чувством. Полноценными, если можно так выразиться, героями книги являются сам Киев, его улицы, его дома...

В школе, где учился И. Трахтенберг, училась и легендарная партизанка-подпольщица Татьяна Маркус, посмертно удостоенная звания Героя Украины. Автор упоминает о ней лишь в сквозном ряду в силу возрастной разницы. Зато некоторые образы одноклассников под пером автора предстают в форме, пожалуй, классического гравюра. Вот один из них — Константин Кульчицкий, сыгравший в кинофильме "Том Сойер" главную роль и сразу ставший знаменитым, но также избравший медицину... Вместе с ним И. Трахтенберг пройдет челябинские траектории, долгие годы будет трудиться в родном медицинском институте. Константин Иванович, прошедший подвижнический путь, как бы возрождается в новой книге.

Запоминается эпизод, связанный с дружбой Исаака Трахтенберга с Олегом Буданковым, ставшим оркестрантом в театре оперы и балета. Однажды Олег перед началом спектакля привел друга в оркестровую яму. Гость нечаянно тронул ударные, когда оркестр исполнял минорное вступление к "Тоске". Возникла непредвиденная пауза, имевшая для нарушителя огорчительные последствия...

Размышляя о друзьях и сокурсниках, автор обращается и к образу Л.Л. Громашевской (Гураль). Любовь Леонтьевна — талантливый биохимик, один из фундаторов современной лабораторной диагностики, долгие

годы проживала в одном доме с Исааком Михайловичем по переулку Ивана Марьяненко. Дом украшает мемориальная доска в память и честь крупнейшего отечественного эпидемиолога, академика Л.В. Громашевского, женой которого стала Любовь Леонтьевна. Две эти неповторимые фигуры на фоне своеобразного пейзажа Печерска органично вплетены в новую книгу.

Соучеником и другом И. Трахтенберга был и хирург-фронтвик, многолетний директор Института нейрохирургии, академик Андрей Петрович Ромоданов. В сорок втором со студенческой скамьи института в Челябинске он уходит на фронт — военным врачом в Подмосковье. Поразительно, но первая боевая награда находит его за успешное применение трупной крови, где новатор как бы попирает смерть смертью. В книгу включен уникальный фотоснимок — А. Ромоданов в кресте с боевыми друзьями на крыше поверженного Рейхстага... Потом Андрей Петрович возвращается в Киев, и долгие годы он и Исаак Михайлович тесно дружат. Дом, где жил и творил А. Ромоданов, украшает Львовскую площадь, на нем — памятная мемориальная доска. В квартире на четвертом этаже друзья встречались, нередко вместе отмечали дни рождения, поскольку родились в один и тот же — 11 ноября.

Особая дружба объединяла Исаака Трахтенберга с физиологом и геронтологом высшей пробы, академиком В.В. Фролькисом. С Владимиром Вениаминовичем они познакомились в том же окутанном дымкой юности Челябинске, затем В. Фролькис был переведен в Военно-медицинскую академию в Ленинград, завершил учебу в ней, участвовал в боевых сражениях. В академии его приметил великий физиолог, академик Леон Абгарович Орбели. Любопытно, что впервые учитель и ученик обратили внимание друг на друга на симфонических концертах. А потом... Потом В. Фролькис возвращается в Киев и попадает в орбиту другого крупного физиолога — ученика И.П. Павлова, академика Георгия Владимировича Фольборта. И. Трахтенберг и В. Фролькис дружат, словно братья, общаясь почти ежедневно. Примечательно и трогательно, что именем друга по инициативе Исаака Михайловича назван Клуб творческой интеллигенции, на ярких и драматичных заседаниях которого ушедший из жизни ученый как бы незримо присутствует.

Еще один примечательный дом в старых киевских кварталах. Сюда мы как бы переносимся с Пушкинской, где обитал В. Фролькис, в здание на углу улиц Б. Хмельницкого и И. Франко, где жил академик Николай Михайлович Амосов. Исаак Михайлович не раз бывал в старинной, лишенной изысков евроремота квартире на втором этаже. В скромном кабинете Николая Михайловича с компьютером, полками книг, простой мебелью проистекали их неповторимые беседы. Что сблизило их, представителей разных медицинских дисциплин? Конечно же, тяготение к слову, к правоте правды, к философии бытия.

И еще один светильник в памяти и книге — гигант физиологии XX столетия, многолетний руководитель Института физиологии имени А.А. Богомольца, академик П.Г. Костюк. Именно Платон Григорьевич одним из первых в мире с помощью микроэлектродов проник в нервную клетку, и она как бы заговорила. Это было эпохальное открытие. Научной судьбе Платона Костюка, ставшего светилом мировой науки, в книге посвящено немало строк.

Но обратимся к преподавательской плеяде в Киевском медицинском институте, обрисованной в книге И. Трахтенбергом поразительно интересно. Самая яркая фигура в этом ряду — выдающийся анатом, профессор М.С. Спилов. Исаак Михайлович вспоминает, что в пешей колонии студентов и преподавателей, двигающейся летом 1941 года к Харькову, шел и Михаил Сергеевич. Но если иные педагоги несли с собою хоть какие-нибудь домашние пожитки и провизию, то Спилов — уникальные костные препараты. Он будет пользоваться этими морфологическими раритетами в далеком Челябинске, а затем возвратится с ними в Киев. Кафедра анатомии, вспоминает И. Трахтенберг, располагалась на окраине Челябинска и фактически не отапливалась. И вот тут буквально на рассвете неизменно появлялся профессор. Спилов готовил анатомические препараты к приходу студентов. На нем — выдавший виды халат со следами бурой свернувшейся крови, но всегда свежая рубашка с галстуком. "Наш блаженный уже титрует?" — иронично, но с нескрываемым уважением спрашивали у служителя анатомки приходившие вслед за Спиловым доценты. Простим им эту терминологию, замечает Трахтенберг. Ведь блаженный в народном понимании — практически святой,

и таким был анатом Михаил Спилов — живая легенда медицинского Киева.

Мы видим в Челябинске глазами И. Трахтенберга и других корифеев науки, оставшихся верными родному институту, химика С. Можара, выдающегося невролога Б. Маньковского, его научную сподвижницу, невролога В. Слонинскую, ученого-гигиениста П. Баранника, психиатра Я. Фрумкина, биолога К. Кострюкову...

Исаак Михайлович помогает нам воссоздать и личность Льва Ивановича Медведя. Об этом блистательном человеке, его подвиге по сохранению двух киевских медицинских институтов, умении найти безошибочный камертон поступков, можно было бы написать интригующий роман. Об одном из эпизодов его жизни, когда Л. Медведь спасся от неминуемого ареста благодаря своей находчивости и остроумию, упоминает Н.С. Хрущев. Знакомство юного студента, председателя студенческого профкома И. Трахтенберга с неповторимым Л. Медведем состоялось тоже в Челябинске. Своей харизмой Лев Иванович во многом помог формированию Исаака Михайловича. В 1946 году, получив диплом лечебного факультета с отличием, Трахтенберг И. неожиданно избирает своим будущим область профилактической медицины. Импульсы Л. Медведя, а тут нельзя не заметить, что наставник и воспитанник спустя годы породнятся, будут практически всегда звучать в мыслях и решениях Трахтенберга И., в его кредо.

О новой книге можно говорить много, и хочется надеяться, что читатели и сами с интересом погружаются в водоворот образов и воспоминаний. Ученые, писатели, художники и врачи, поэты и архитекторы, педагоги и музыканты, меценаты и военачальники — все они в силу памяти И. Трахтенберга вошли в архитектуру этой книги, а вместе с ней как бы вернулись к нам.

"Теперь, когда мемуары Трахтенберга И. исчисляются добрым десятком, можно с уверенностью утверждать, что это воистину подвижнический труд. Здесь мало одного таланта литератора-мемуариста, которым автор обладает в полной мере. Нужна, если хотите, и жертвенность. Ведь надо отдать часть своей жизни, чтобы сохранить память о жизни других. Конечно, это достойно уважения", — пишет в предисловии к книге "Слово историка" академик Петр Толочко.

Юрий ВИЛЕНСКИЙ